

*Андрей
Ритский-Корсаков*

В НАЧАЛЕ БЫЛО «ДЕЛО»

Уж сколько раз подвергались всеобщему осуждению такие неистребимые людские пороки, как семейственность, блат! Как там, в «Горе от ума», у Фамусова? «Ну как не порадеть родному человечку!» Но, признаюсь, что за некоторые такие случаи, с которыми довелось столкнуться нашему семейству, мне совершенно не стыдно...

Было это в 1945 году, сразу после окончания войны. Не знаю, в связи с амнистией или просто по окончании срока заключения был выпущен с Колымы после восьмилетней «отсидки» наш дядя Митя. В Петропавловске он появился неожиданно. Зашел к нам всего на несколько минут – торопился на поезд. Что удивило, несмотря на довольно теплую весеннюю погоду, он был в толстой мохнатой дохе. Нас с братом попросили погулять, и они с отцом остались вдвоем. О чем беседовали – неизвестно. Через какое-то время дядя Митя вышел, приветливо махнул, увидев нас во дворе, и скрылся. Я даже не сразу понял, что это он, так как вместо лохматой дохи на нем был уже старенький отцовский ватник. Очевидно, у них произошел обмен, и позже, помню, лет шесть отец щеголял зимой в этой волчьей шубе.

То, что дядя Митя отбывал в дальних краях срок, нам, детям, знать не полагалось. Не полагалось, конечно, и никому из посторонних. Поэтому очень редкие письма «оттуда» отец, прочитав, немедленно уничтожал, что было совсем не в его привычках – всю свою корреспонденцию он всегда сохранял. Он только иногда сообщал нам по секрету: «Вот, письмо от дяди Мити...» И больше ни слова. Но все же одно письмо из-за колючей проволоки дошло до наших дней. Оно разорвано пополам и в таком виде сохранилось. Почему отец в последний момент решил его не уничтожить? Может, все же посчитал нужным оставить его для нас, детей? Наверное.

В том письме есть такие строки: «...свободного времени стало гораздо меньше, т. к. мне добавили в виде дополнительной нагрузки вести тут делопроизводство, и, конечно, даром. Правда, как принято теперь говорить, я “заимел” (отвратительное слово) лампу, да еще со стеклом, но, конечно, без фитиля. Пробую различные комбинации тряпок, чтобы сделать таковой, но довольно малоуспешно. Во всяком случае, по вечерам теперь писать легче, чем при копилке. Последние дни я опять оказался всецело во власти воспоминаний. Так они греют мне душу, если бы ты знал. Достаточно небольшого внешнего намека, и всплывают картины

счастливого детства. Сейчас тут четверо больных детей, в возрасте от 4 мес. до 5 лет. Приходится ставить этим малышам банки и лечить все больше психотерапией, т. к. лекарств нет... Ну, родной мой, надо кончать. Сейчас пообедаю – съем печеной картошки, которую променял на “жиры”. Береги себя. Береги свои и физические, и духовные силы – и те, и другие еще пригодятся. Ребяток поцелуй и, если можешь, пиши. Твой Митя».

А тогда, в 1945-м, дядя Митя, как потом выяснилось, направлялся на работу в Боровое, один из знаменитых санаториев Казахстана. Как он туда попал – трудно сказать, но такую удачу бывшего зэка с Колымы иначе как чудом назвать невозможно. Впрочем, у Солженицына можно прочесть немало историй, когда в тяжелейших условиях лагеря выживали и пользовались уважением те, кто хоть чем-то мог быть полезен и начальству, и сокамерникам. А Дмитрий Римский-Корсаков, дядя Митя, был там очень полезен: хорошо образован, прекрасно знает языки, а значит, нужен детишкам властителей лагеря. Он освоил там и фельдшерское дело – тоже очень уважаемая в ГУЛАГе профессия. Так что, думаю, здесь не обошлось без пресловутого «блата»... Но это не всё. Через пару месяцев мы с братом получили из Борового путевки в пионерский лагерь. Конечно, это было для нас событие немыслимое. Попасть в этот лагерь, как и в «Артек», в то время могли только отпрыски очень высокопоставленных родителей. Для нас, босоногих оборвышей, к тому же не пионеров, осталась навсегда загадкой история появления этих путевок. Но ясное дело, что не обошлось здесь без дяди Мити, который устроился там при туберкулезном санатории в качестве «сестры-хозяйки».

Боровое... Конечно, по молодости лет красóты тех сказочных мест не очень-то трогали душу и мое эстетическое чувство. Больше запомнилось прекрасное питание, от которого за годы войны все мы, взрослые и дети, давно отвыкли. А еще запомнился поход группой к берегу озера.

Когда нас построили по двое во дворе, воспитательница заговорщически предупредила, что надо идти, обязательно держась за руки, и ни в коем случае не отставать, так как в лесу могут оказаться чеченцы, которых надо опасаться. Это нас ничуть не напугало, и мы шли лесными тропами, шумя и хохоча. Но вот перед спуском к берегу шедшие впереди ребята неожиданно притормозили и притихли, и мы только услышали, как старшая быстро защебетала: «Проходите, проходите, не задерживайтесь». Колонна нерешительно двинулась вперед. Еще издали я увидел, что на обочине нашей узкой тропинки стоит человек. Он, опершись на палку, ждал, когда мы пройдем. На нем была мохнатая серая папаха и какие-то непонятные темные лохмотья, подпоясанные веревкой. Стало страшновато: было понятно, что этот таинственный старик и есть чеченец. Пышная седая борода его добавляла страху... Тогда мы еще не знали, что в Северном Казахстане много высланных с их родины чеченцев, а это был один из тех несчастных. Мы молча проходили мимо старца, и я вдруг увидел, что из-под папахи он смотрит на нас совсем не зловеще, а какими-то очень добрыми глазами и с грустной полуулыбкой. Я не понял, почему он улыбается, но тревога сразу пропала, и мы спустились к озеру, уже вновь шумя и крича.

Вода в озере оказалась холодной. Нам разрешили только пройтись по песчаному пляжу. Поразила совершенно прозрачная зеркальная водная гладь. Даже в нескольких метрах от берега четко просматривалось дно и самые мелкие камешки.

Была в этом какая-то таинственность, и даже ощущался страх перед спокойной водной глубиной...

С дядей Митей мы с братом виделись там раза два. Он вызывал нас в «тихий час», и мы шли с ним куда-то на пустынные задние дворы, заваленные спиленными стволами сосен. Казалось, дядя не очень хочет, чтобы были свидетели наших встреч. Они с Димой, присев на бревно, тихо о чем-то разговаривали, а я, отколував от сосны толстый кусок коры, своим перочинным ножичком вырезал кораблики, которыми тогда все мальчишки лагеря увлекались. Если бы я был тогда взрослым, то, конечно, попытался бы расспросить его, разузнать от дяди Мити о его жизни и злоключениях, которые ему довелось испытать. А ему было что рассказать...

Когда почитатели П. И. Чайковского посещают дом-музей этого великого композитора в подмосковном Клину, они всегда интересуются судьбой его родных и потомков. Конечно, спрашивают и о женщине, ставшей его музой, покровительницей и меценаткой – Надежде Филаретовне фон Мекк. Как известно, переписка ее с Чайковским длилась около 14 лет, и при этом они никогда не виделись. Ставшая очень богатой женщиной благодаря своему мужу, строившему железные дороги России, она назначила любимому композитору солидную ежегодную денежную помощь, сделала все, чтобы Чайковский посвятил жизнь творчеству. Петр Ильич очень ценил дружбу с этой женщиной, называл ее своим «лучшим другом» и посвятил ей 4-ю симфонию. А потому интерес любителей музыки к своеобразному «роману невидимок» вполне естественен. Но когда в 1929 году по делу о вредительстве на транспорте был расстрелян сын Надежды Филаретовны, Николай фон Мекк, в музее старались не упоминать эту фамилию, а назойливым любопытным говорилось, что никого из семьи фон Мекк больше на земле не осталось.

Однако это было далеко не так. Уже тогда во Франции, Англии, Германии, Польше, Швеции и даже в Бразилии обрели свой кров дети, внуки и правнуки Надежды Филаретовны. Только в СССР их можно было насчитать человек двадцать, если не больше! Да что говорить, если в самом музее в то время проживала дочь меценатки, Софья Карловна, мать того самого дяди Мити, бабушка автора этих строк. Думается, что упоминать семейство фон Мекк и ее потомков было «неудобно» еще и потому, что некоторые члены этой семьи отбывали в те, 1930-е, годы свои сроки – кто в тюрьме, кто в лагерях, кто на поселении. И у всех – 58-я статья, с нюансами и вариантами.

Случайно или нет, но пятерым из этих неугодных властям внуков Н. Ф. фон Мекк довелось связать свою биографию с Казахстаном. О некоторых из них и вспомним здесь.

В письме от 26 декабря 1888 года Н. Ф. фон Мекк сообщает П. И. Чайковскому из Ниццы: «А ей, т. е. моей Соне, Бог дал сына на днях, которого назовут Дмитрием...» Родился дядя Митя, правда, не в Ницце, где в последние годы жизни проживала его бабушка, а в Петербурге, хотя в детстве его много потаскали по Европе родители – вполне обычный образ жизни дворянских семей. Окончив в Москве реальное училище знаменитого педагога К. П. Воскресенского, он поступил 1905 году в Петровскую академию (ныне имени Тимирязева), но тут у него произошел конфликт с сокурсниками – он не захотел примкнуть к забастовавшим

студентам, а потому вынужден был покинуть академию. А далее – Николаевское кавалерийское училище, и через два года – производство в офицеры.

В то время особой приманкой для молодежи был, как известно, гусарский мундир. В гусары хотел податься даже Пушкин, а Лермонтов пребывал в гусарах не один год, в том числе и в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку. Молодой Дмитрий Римский-Корсаков очень был горд и рад, когда его приняли в этот старинный прославленный полк, располагавшийся в начале XX века в Варшаве. Однако очень быстро красивый гусарский мундир принес дяде много разочарований. Сам он как-то писал: «Варшавский период моей жизни часто вызывает сожаление о том, что так неразумно, сумбурно и, пожалуй, попросту глупо были растрчены лучшие годы молодости».

Об этом периоде вот что пишет брат дяди Мити, мой отец, в своих воспоминаниях: «...Как оказалось, в Варшаве служить было намного дороже, чем в других гвардейских кавалерийских полках. Считалось, что офицер в Варшаве, во враждебном окружении польского общества, должен представлять и поддерживать честь русского оружия, бывая ежедневно в лучших ресторанах, держа французскую или испанскую танцовщицу... Дмитрий за три года своего пребывания в полку истратил все пятьдесят тысяч, оставленных ему Надеждой Филаретовной по завещанию, и сделал долгов тысяч на десять. Было очевидно, что при таких условиях продолжать службу в этом полку было нельзя, и тут случай помог брату уйти из него в запас».

Этот случай представился в 1911 году. В их полк, исключительно дворянский, элитный, по протекции великого князя Николая Николаевича хотел устроиться богатый купеческий сынок. Это нарушало традицию, по которой для приема в полк нужно было согласие всех офицеров. Часть офицеров, в том числе и дядя Митя, запротестовали, посчитав, что большие деньги еще не дают права носить гусарский мундир. И новичку объявили бойкот. Великий князь, узнав об этом, рассвирепел и приказал командиру полка за неповиновение наказать бунтовщиков. Зачинщик и подстрекатель «бунта» корнет Алексей Вершинин, а с ним и его приятель Дмитрий Римский-Корсаков были отчислены из полка.

О том, что было дальше, отец писал: «Вершинин принял предложение брата Дмитрия пожить у нас в Волочанове до принятия какого-нибудь решения о своей дальнейшей судьбе. Так летом 1911 года он и мой брат приехали на жительство в Волочаново, а в 1913 году Вершинин стал мужем моей сестры Натальи... Когда они поженились, то сестре Наталье было 17 лет, а ему около 30. Поссорившись с отцом из-за своего вынужденного ухода из полка Вершинин сначала занялся... театральной антрепризой и стал возить опереточную труппу. В то время у него еще продолжался гусарский роман с одной французской артисткой “Варьете”. Но надо было думать о дальнейшей своей судьбе. Он поехал в Бельгию изучать сельское хозяйство, а потом принял предложение моего брата Дмитрия и поселился у нас, продолжая вести довольно рассеянный образ жизни... Он был выдающийся спортсмен. Брал много призов на скачках и конных состязаниях Петербурга и Москвы. Умел хорошо объезжать лошадей. Любил собак, коров, кур и всякую живность, при условии, чтобы она была породистой. Моя сестра Наталия тоже любила всех этих животных, не от скуки, а тоже как-то более глубоко и всесторонне. Эта общность интересов сблизила их. Сестра к тому же была весьма приятной внешности и обаятельна. Оба любили французские романы и хорошее

общество. Это не мешало моей сестре доить коров, мыть поросят, кормить щенят и вытирать их следы... Они поселились в деревне. Кроме выездки лошадей, они занялись разведением французских бульдогов и молочным хозяйством. В числе лошадей, которые тогда “напрыгивал” Вершинин, был и Барин, ставший вскоре знаменитым. Барин был строевой конь моего брата Дмитрия, которого он взял себе из очередного пополнения по совету Вершинина...»

В том же 1913 году, летом, женился и дядя Митя. Женой его стала Вера Панчулидзева, сестра его товарища по Гродненскому полку. Она была из армяно-грузинской семьи, дочерью генерал-лейтенанта в отставке, соратника Брусилова. Генерал Брусилов же был и крестным отцом Веры. Венчание их было в церкви Пажеского корпуса в Петербурге...

А через год – война, Первая мировая. Дядя Митя был призван как офицер запаса и, прослужив недолгое время дежурным офицером при Московском генерал-губернаторе, стал проситься на фронт. Брусилов взял его к себе в 8-ю армию, в Ахтырский гусарский полк, который в это время вел наступление в Галиции. При очередной атаке в пешем строю дядя Митя был прострелен австрийской пулей, которая перебила ему легкое и несколько ребер. Солдаты Ахтырского полка, кавалеристы, совсем не умели действовать в пешей атаке, и офицерам приходилось идти впереди и вести всех за собой, не думая об опасности. О раненых и убитых в этой атаке сообщили газеты. Мать дяди Мити, бабушка Софья Карловна, сама в это время служила начальницей санитарного поезда в тех же краях и, узнав о ранении сына, решила разыскать его во что бы то ни стало...

Об этом рассказал мой отец так: «Прочитав в газетах о тяжелом ранении сына, мать села в поезд и поехала по следам наступающей армии Брусилова искать Дмитрия. В штабе армии ей указали путь, по которому прошел Ахтырский полк, но ничего не могли сказать о моем брате. Убитых и раненых офицеров было много, и сведения о них были очень неполны. Тогда мать стала ездить от одного полевого лазарета до другого.

Полевым лазаретом называлась походная палатка с красным крестом, но чаще всего это были крестьянские халупы или сараи. Врачи советовали ей самой обойти раненых и посмотреть, нет ли среди них сына. Мать так и делала. Это было и тяжело, и мучительно. Волнуясь, боясь не найти его, она обходила одну хату за другой, сарай за сараем. В одной из деревень раненые лежали на соломе под каким-то темным навесом плотной серой массой тел. Посредине оставался проход. Мать прошла вперед и назад по проходу. Было темно и трудно что-либо разглядеть. Да и многие лежали, зарывшись головой в солому, или закрывали голову шинелью... Перед тем как выйти из сарая, мать остановилась со страшной мыслью в сознании: “Что же теперь делать? Неужели все? Мити нигде нет!...” С тоской и глубоким волнением оглянулась она на тела, лежащие перед нею. Один из раненых, весь перевязанный, худой, обросший и почерневший, лежал на спине и, широко раскрыв глаза, неподвижно смотрел на мать. Эти глаза ей показались вдруг особенными. Она подошла ближе. Раненый молчал, но глаза поворачивались к ней. Глаза... Эти глаза упорно и требовательно смотрели на нее. А что если?.. Да, это был он, простреленный, ослабевший, умирающий, как и другие в этом темном и страшном закутке. Мать доставила Дмитрия в Бережаны, и только весной его перевезли в Москву, где он находился в частной лечебнице врача Чегодаева в Гагаринском переулке. Всего он проболел около двух лет».

Война еще продолжалась, и дядя Митя не мог долго усидеть на штабной работе – вернулся в свой полк. Вернулся, и совсем скоро тяжелый немецкий снаряд вновь вывел его из строя – контузия. И опять госпиталь. Подлечившись, опять он рвется на фронт. Но на этот раз его не пустили. Закончил войну дядя Митя адъютантом у генерала Трепова, бывшего командующего Киевским военным округом.

После Октября 1917-го он подался на родину своей жены Веры, на Кавказ. Ему пришлось совсем оставить военную службу и работать где придется: сперва в Тифлисе в кооперации, затем в Армении – в американской организации АРА, где он заведовал колонией для детей-сирот. Здесь он изучил английский язык, причем настолько успешно, что когда в 1923 году они с женой поселяются на Сходне, под Москвой, то уроки английского, которые он дает, помогают им сводить концы с концами.

Но не все гладко было в семье дяди. Его жена еще с начала войны пристрастилась к наркотикам, как и многие тогда женщины, чьи мужья ушли на фронт. Это была серьезная проблема, с которой дядя Митя справиться не мог. Более того, Вера, находясь под действием кокаина, иногда распускала самые бредовые слухи о своей родне... Все кончилось арестом дяди Мити. Ему припомнили и его гусарскую службу, и службу в адъютантах, и просто его дворянство. Так в 1937 году он попал на Колыму. Как тогда говорили обыватели – «за фамилию».

Сестра дяди Мити и моего отца, Наталья, хотя и носила другую фамилию, была удалена от общества гораздо раньше. Когда было национализировано их имение Волочаново, Вершинин, успевший перед революцией получить в Бельгии профессию агронома, был назначен совдепом управляющим в своем же имении, ставшем совхозом. Но когда запахло арестами «бывших», он, предупрежденный местным конюхом, вместе с женой Натальей и годовалым сыном поспешил скрыться. Начались их скитанья по подмосковным поселкам, пока все же в 1929 году их не арестовали. Ему тоже припомнили и Гродненских гусар, и отца, донского казака-генерала, бежавшего за границу, и еще много чего. Но отделались Вершинины легко – их сослали во Фрунзе, в Киргизию. Здесь очень пригодились агрономические и зоотехнические знания Алексея Алексеевича – он занял хорошую должность на конном заводе. Но недолго длилось относительное спокойствие – и здесь настигла Вершининых «карающая рука» государства: лошади заболели, и виноват, конечно же, зоотехник-вредитель.

В своих дневниках отец записал: «А. А. Вершинин просидел полтора года в одиночке. От него требовали сознаться во вредительских действиях. Он категорически отвергал это обвинение. Его выслали на жительство в Кокчетав. Шесть его коллег были направлены в один из северных лагерей. Перед отправкой им сделали прививки – “инъекции против тифа”. По дороге пятеро из них умерли. Уцелел только тот, кому по недосмотру забыли сделать укол»...

Неизвестно, насколько все это правдоподобно, но Кокчетав действительно стал новым местожительством тети Натуси. Эта ее казахстанская эпопея сохранилась в нескольких письмах матери и брату Гоше, моему отцу, за 1934–1936 годы.

«Дорогая Мамочка!.. Мы уже начинаем входить в нормальную жизнь, теперь и Алеша, и я будем получать жалованье. Но столько нужно всем, начиная с шуб и кончая чулками, все износилось, ведь я уже несколько лет ничего не делала.

На моей службе хорошее снабжение, я получаю 1 кг муки в месяц, потом за это время я получила 2 кг топленого и 2 кг постного масла, пшено, сахар.

Тоска здесь смертная, сидим как сычи в дупле, а знакомиться не с кем, т. к. тут все только свой брат ссыльный, а за знакомство с ними опять смогут что-нибудь пришить.

Если мы во Фрунзе жили тесно, то тут еще теснее, т. к. комната крошечная. Когда приходим со службы, то все ложимся и читаем... Мечтаем завести корову, учреждение Алеши сможет дать аванс на эту сумму и вычитать из зарплаты. Только бы найти квартиру подходящую, и тогда непременно увезу тебя к нам, а холода тебе бояться нечего, т. к. тут дома приспособлены, и дрова у нас будут.

Мне пишут из Фрунзе, что у них уже все посадили огороды и что огурцы уже четыре листа дали. Здесь какой-то дурацкий город, ни сада, ни огорода при домах нет. Видимо, в старину одни торгаши жили, но все же это считается лучший город в Казахстане, воображаю, на что другие города похожи... Алеша совсем плохо видит, у него есть очки, но не по глазам, кто-то из товарищей в тюрьме оставил, а на новые все не соберется с деньгами. Он такой смешной в очках.

Крепко, крепко целую. Хотелось бы потискать маленького Диму, что-то на старости к малышам тянет, а ведь мне на днях 39 лет. Твоя Натуся».

«Дорогой Гоша!

Открытку твою получила. Я опять служу, у нас в конторе машинисткой, т. к. без моей службы никак не можем свести концы. Хочу просить тебя поторопить высылку Алеше шубы, которую мы купили у Мити, т. к. уже холодно и без шубы вечером ездить нельзя, Алеша же в постоянных разъездах... Живем по-старому, неважно. Это удешевление цен мало нас трогает, т. к. магазинов нет, все покупается на базаре, для вас же это будет ощутительно... Очень пугаюсь зимы, сейчас нужно бы закупать дров и можно это сделать, а денег нет...»

«Дорогой Гоша!

Опять мы у разбитого корыта. Алешу Алма-Ата сняла с работы, без всякой мотивировки. Предполагаем следующее. Когда у лошадей началась эпизоотия пневмонии, то приезжала комиссия, были всякие доносы, неприятности – в общем, как всегда. Потом это все благополучно ликвидировалось, но Алешу вызывали в НКВД для объяснений, и, вероятно, начальник спохватился, как это ссыльный и занимает такую большую должность, написал в Алма-Ата куда следует. Там начальника “Конупра“ накрутили, и он Алешу снял. Но это все не так важно, а важно то, что мы очутились в тяжелом положении, без всяких сбережений, с долгами и без службы, т. к. другой службы здесь не найти. Да еще висящий в воздухе Лева (сын. – А. Р.-К.), т. к. его нужно отправлять за паспортом в Петропавловск, а на это тоже нужны деньги. И даже если в марте Алеша и освободится, то и не уедешь, т. к. денег на это нет. Вот видишь, какие невеселые дела. Написала подружке, не может ли она достать Алеше переводы с французского. Может, и ты можешь что-нибудь сделать в этом направлении, это наша единственная надежда. Тут многие ссыльные живут исключительно переводами...

Ну вот, Гошенька, все наши грустные дела. Я здорово скисла, так это неожиданно все вышло. Крепко целую. Твоя Натуся».

«Дорогой Гоша!

Спасибо за 50 р., но напрасно ты это сделал, у нас еще такой острой нужды в деньгах нет, т. к. Алеша получил расчет, и нам м-ца на 1½ хватит. Сейчас никаких планов не делаем. Возможно, что поедем в курорт Боровое, идут разговоры, чтобы Алеше там служить. Бытовые условия там прекрасные, и красиво – горы и леса. Если там выйдет, то мы пока туда поедем, т. к. трогаться далеко нет денег. Лева поехал в Петропавловск хлопотать о паспорте, что меня больше всего тревожит. Если удастся получить, то пока поступит на работу и осенью поедет учиться, он хочет в коневодческий институт...

Все-таки для нас это загадочная история, снятие Алеши с работы, – думаем, что тут сеть всяких сложных интриг... Но теперь, подумав обо всем более спокойно, думаю, что это к лучшему. Уж очень тут нечеловеческие условия для работы были. Правда, Алеше удалось хорошо наладить дело, но впереди много было неприятностей.

Я все работаю в конзаводе. Если не устроимся в Боровое, то мне хочется, если Алеша получит паспорт, что-нибудь продать и послать его в Москву устраиваться. Может быть, будет возможно опять в совхоз под Москву. Ну не буду делать планов...»

«Дорогой Гоша!

Мы переезжаем в курорт Боровое. Это, говорят, очень хорошее местечко, живописное, озера, сосновый лес и горы. Условия работы неплохие, у Алеши такая же должность, что и здесь была, разница только в том, что там табуны не племенные, а молочные для кумыса. Народ там живет покультурнее, чем здесь, так что и общество будет приятнее. Директор курорта очень горд и доволен, что получил Алешу, и встречали его там, как знаменитого профессора. Что меня там прельщает, это то, что я отделаюсь от кухни, т. к. там можно получать обеды из ресторана, вообще это считается одним из лучших курортов в СССР. Нас прельщает еще то, что в 1927 г. курорту предоставлено место на с/х выставке, и если все будет благополучно, то поедем и мы. А потом, Алеше нужно войти опять в Союз, ИТР и т. д., паспорт у него выдан на 1 год, и здесь все это оформить будет удобнее. Лева служит на радио, районным монтером, ездит по колхозам и устанавливает им радио. Алеша уже в Боровом, а за мной пришлют машину в середине мая. Пока, если не будет никаких ужасов, то жизнь налаживается...»

Так Наталья Вершинина, тетя Натуся, оказалась в том же замечательном месте, где через десять лет поселится и ее брат, дядя Митя. Но хитросплетения судеб потомков Н. Ф. фон Мекк на этом не заканчиваются. Это был 1936 год. И к этому времени совсем неподалеку от Кокчетавы уже два года отбывали наказание две других внучки меценатки – Ксения и Ольга, дочери Александры Карловны фон Мекк (по мужу графиня Беннигсен). О них тоже есть в переписке Н. Ф. фон Мекк с Чайковским.

22 июня 1886 года она писала: «...а самая маленькая двухлетняя девочка, Кася, с черными, как уголь, глазами и совсем светлыми волосами, также курчавыми, как и у брата: всегда веселенькая, всегда смеется и всё вопросы делает, – премиленький субъектик». Это про Ксению. Композитор был в курсе рождения почти всех внуков и внучек Надежды Филаретовны и всегда проявлял интерес к

появлению новых членов ее семьи. Но обоим корреспондентам и в страшном сне не могло присниться, какая участь ожидает этого «премиленного субъектика» Касю и ее сестру Олю в XX веке...

Атбасар – городок, принявший у себя в 30-е годы многих неугодных властям, место, где переживали время немилости «преступные элементы». Сестер Беннигсен арестовывали не раз из-за графского происхождения, а главное, из-за братьев-эмигрантов: один из них, Георгий, был офицером Преображенского полка, другой, Адам, – офицером Конногвардейского полка, и третий – Эммануил – страшно сказать! – был камергером царского двора и членом Государственной Думы, служил у генерала Юденича, а за рубежом вел активную деятельность в эмигрантских организациях. В Атбасар сестры были высланы из Ленинграда в 1934 году, когда началась очередная «охота на ведьм» – аресты священников, монахов и простых прихожан как участников «церковно-монархической организации Мефодиевское братство». Сестры Кася и Ольга к этой организации не имели никакого отношения, они просто старались быть прилежными прихожанками и, как и полагается православным, регулярно посещали церковные службы.

В своих мемуарах их брат, граф Э. П. Беннигсен, записал: «...Кася и Оля были сосланы на три года в Сибирь. Прожили они это время в Атбасаре, маленьком городке на границе песчаной пустыни, где им никакой работы не было. Они писали тогда, что единственным мотивом их ссылки именно туда могло быть только то, что там не было церкви, а они были сосланы по церковным делам. Единственная работа, которую они нашли, была на кирпичном заводе, но долго они ее не выдержали. В Атбасаре, кроме того, тяжелы были крайности температуры – крайней духоты летом и 40 градусов мороза зимой. После ссылки сестры поселились в Череповце (над ними продолжал тяготеть так называемый “минус 6” – запрещение жить в больших городах). Здесь Кася работала как фельдшерница и давала уроки музыки, а Оля вновь поступила в библиотеку...»

Самое удивительное в этой истории было то, что братья-эмигранты, зная о несчастной доле сестер в Советской России, иногда ухитрялись отправлять почтой им, ссыльным, продукты и одежду и даже, через банк, по 10–15 долларов, которые сестры меняли на рубли и покупали лишней картошки или отдавали долги. Это было даже во время войны! Как это допускали «органы»? Загадка! Впрочем, и сами братья, жившие во Франции, Англии и США, были совсем не богатые люди.

Вот что писал один брат другому из Лондона в Канн в 1933 году: «...прежде всего, мне кажется, что нам едва ли можно разбрасывать помощь. Положение сестер вовсе не такое блестящее (хотя, по последней открытке Оли, лучше, чем я думал), чтобы можно было урезать что-либо из тех очень небольших отправок, которые мы наскребаем от времени до времени. Судя по тому, с каким трудом всем нам удается еще держаться на поверхности, вряд ли мы сможем посылать сестрам даже то, что посылали раньше».

И все же эту помощь получали они и тогда, когда, после обращения к Е. Пешковой в Политический Красный Крест, им разрешили переехать в Череповец. Ксения умерла там в 1942 году от туберкулеза, а Ольга могла еще долго с помощью братьев сводить концы с концами.

Сохранилось письмо 1962 года Георгия Беннигсена из Америки в Бразилию, в котором он пишет: «Мои друзья в Англии просили разрешения послать

Оле посылку, ручаясь, что это вполне безопасно. Я согласился и попросил послать ей самые дешевые продукты и кое-что из обуви и одежды. Оказалось, что продукты и вещи надо посылать в отдельных посылках, и они отправили две огромные посылки. По их указанию я написал Оле, что ей надо говорить, когда посылки придут, чтобы ее не заподозрили в “спекуляции”... В моем последнем письме в Англию я им написал, что пусть лучше пропадают посылки, чем чтобы Олю обвинили в “спекуляции”, что очень опасно. Относительно отправки денег я тоже боюсь, чтобы одновременно она не получила от тебя и от меня, а то обвинят ее в контрреволюции. Поэтому я в начале мая пошлю ей 15 долларов через банк...»

Жизнь Ольги Павловны Беннигсен, тети Оли, в Череповце, несмотря на эти спасительные доллары, совсем не была сладкой. В этом чужом для нее городе металлургов она, графиня по рождению, пыталась стойко переносить тяжести одиночества, бедности и наступавшей старости. Ее поддерживала только переписка с родными, жившими за границей, да с моим отцом в Петропавловске. Темой этих писем часто были воспоминания о родных и близких, еще живущих и давно ушедших: о бабушке Надежде Филаретовне, ее родне и потомках, о своей семье и даже о своем дальнем предке, генерале Л. Л. Беннигсене, соратнике Кутузова в войне 1812 года. Тетя Оля была одной из немногих оставшихся представителей многочисленного семейства фон Мекк, кто прекрасно разбирался во всех родственных связях.

Через нее, благодаря ее переписке с братьями, шла вся информация о жизни их семейств во Франции, Англии, Бразилии. Она могла многое подсказать и рассказать моему отцу, который интересовался своими корнями и составлял тогда своё «древо». Но часто быт и неустроенность все же брали верх и заслоняли собой всякие реминисценции... Строки ее писем 1950-х годов говорят сами за себя.

«Дорогой Гоша. Я непростительно долго не отвечала на Твое письмо 21 или 29 февраля. У меня была спешная работа по страховке – разноска страх. свидетельств по обязательному страхованию частных домов. Смогла отложить на покупку дров только 100 р. А устала страшно. Да и погода не благоприятствовала. В нашем районе еще зима, один день валит снег хлопьями, другой – тает. Да еще работы: металлурги проводят в свои новые участки канализацию, разрыли улицы, и где приходится проходить – тихий ужас. Здесь большой участок, как в большом городе, а рядом лачужки. В смысле снабжения – меня это не коснулось. Колхозный рынок не снизил цен. А государственные магазины хотя и выпускают больше сахара и масла (и дорогих конфет и консервов), но для того, чтобы их получить, надо простаивать часами, что я и по здоровью, и по времени не могу делать. Из сладкого я больше покупаю разные повидла и джемы; иногда же плачу рубля 3, чтобы мне кто-либо стоял в очереди. Раза 2-3 сама стояла.

Посылаю тебе снимки доменных печей...»

«От своих получаю изредка известия. Пока у них все благополучно. Да, род наш со стороны матери иссякнет с нашим поколением. А со стороны моего отца держится на ниточке, а именно Петром, Адиным внуком, рождение которого всех очень обрадовало. А мне безразлично это, для меня дороги личности, а не род. Часто получаю от своих фотографии. Посылаю Тебе одну из них».

«Теперь из нашей основной семьи остались только Юша (*брат, Георгий Беннигсен. – А. Р.-К.*) и я. Странно, что я оказалась такая живучая, мне с осени пошел 70-й год. Верно говорят, скрипучая телега два века живет (кажется, так)...»

«Я завела себе керосинку, и она так греет комнату, что топить приходится меньше. У нас были морозы, градусов до 20-ти, но с ветрами, и трудно переносились. В Казахстане мы легче переносили мороз в 30-40° без ветра. Работаю я еще страх. агентом, но зарабатываю зимой немного, летом же рублей до 200. Получаю пенсию 210 р., но из нее за комнату приходится платить 60 руб. Дорого обходятся мне керосин (электричества нет у меня) и всякие услуги».

«Я пока много работаю, и потому у меня нет времени очень углубляться в прошлое. В нем было много хорошего и радостного, и много было и тяжелого. Лучше не думать, а жить сегодняшним днем».

«Слышал ли ты – недавно говорили по радио про бабушку Надежду Филаретовну и Дебюсси что-то, но толком ничего мне не могли сказать. Вообще, что Ты знаешь про Дебюсси? Я еще в молодые годы слышала, как будто бабушка его пригласила к себе играть для нее на рояле. С кем-то он приезжал к нам в Гурьево и там написал пьеску в один листик. Внизу написал, кажется, год и “Гурьево”. Этот листик был у Каси, но в передрыге 1934 года он исчез у нее на квартире. На той же квартире жили любители музыки! Теперь это была бы ценность».

«...Кстати, был ли Ты в Петропавловске в период 1934–1937 годов? Мы с Касей в это время находились недалеко, а именно в Атбасаре, на теперешних целинных землях. Обрато ехали через Петропавловск (впрочем, и туда ехали так же) и несколько часов провели на вокзале. Не знали, что Ты там живешь...»

Посылаю Тебе вырезку из газет металлургического завода. Здесь здания в 4-5 этажей воздвигаются молниеносно быстро и подвигаются все ближе и ближе к нашим хибаркам. Мы как раз на дороге, вероятно, скоро снесут. Мне никакого нет желания жить в большом доме с водопроводом, центральным отоплением и т. п. прелестями, а хочется больше тишины. Впрочем, здесь ее тоже нет, особенно на праздниках. Вернулся из армии старший внук хозяина квартиры, и со вчерашнего дня все пьют, играют на гармошке, и от него слышишь ни к селу, ни к городу ругательства на все буквы. А мать не понимает, что он пропащий человек. Но, может быть, он в домашней обстановке опомнится. До призыва он работал на заводе столяром и хорошо зарабатывал.

Я обрадовалась сегодняшнему известию по радио, что Англия и Франция прекратят военные действия в Египте. Но уйдут ли из него? Вряд ли, и опять будут осложнения! Мне египтян очень жалко. Гордый, умный, ученый народ (у них зародилась астрономия, или, во всяком случае, они много сделали), а кроме того, кошки у них в большом почете...»

«Кстати, все хочу Тебя спросить, есть ли у Тебя цветная открытка – снимок с картины Кившенко “Совет в Филях”, там, между прочим, есть и мой прапрадед, генерал Л. Л. Беннигсен. Если нету, я Тебе ее пришлю.... Со времени Тарле его совсем развенчали, несмотря на авторитет Наполеона. Прочти книгу Никулина

“России верные сыны”, кстати, очень интересную. Не знаю, кто прав – современники его или теперешние историки? Но когда его обвиняют во взяточничестве и, если не ошибаюсь, – давно уже читала книгу, названия которой и автора не помню, – чуть не в воровстве, меня удивляет одно – у него должно было бы тогда быть большое состояние! Не слышала, чтобы он был кутила и мог промотать состояние. Между тем, семья моего отца была не богата, и у отца моего, когда он женился на маме, средства были очень скромные...

Про бабушку Надежду Филаретовну Мекк тоже не все отзываются доброжелательно и стараются умалить ее значение в музыкальном творчестве Чайковского. Мне всегда обидно за тетю Милочку¹, за последние годы ее жизни и смерть в такой нужде! Литературный мир иначе отнесся к потомкам (даже не прямым) Пушкина к столетию его смерти. А что сделал музыкальный мир для единственной дочери бабушки? Можно бы много еще написать на эту тему, но... не буду тревожить покойников, а только молиться за них, другого им не нужно».

«Какой у вас страшный мороз! Хотя, как я помню, мороз в Атбасаре легче переносился, чем здесь. Два дня стало немного теплее, 18°. А то мороз доходил до 30° с чем-то. Главное, при таком морозе еще ветер. Я несколько дней даже не выходила из дома. Но волей-неволей приходится ходить на рынок. Снабжение плохое – масла последние месяцы почти не бывает. Сахара без большой очереди не достать. Спасибо моя знакомая мне достала. Где она живет, там легче достать. А где я живу, магазинов нет близко. Центр, конечно, не знает обо всем, а местные власти мало заботятся о нуждах обывателей».

«Дорогой мой Гоша. Давно, давно Тебе не писала. Но я совсем одряхлела, и все необычно мне трудно. За водой на колонку необходимо идти – иду, но не каждый день. Иногда есть добрые люди из соседей, несколько раз даже чужие, возьмут ведро и несут вместо меня. И совестно, и приятно. Потом недалеко есть так называемая домашняя кухня. Там обедов нет, а берут домой. Туда надо пойти, взять для кота (очень капризного) и себя (совсем не капризной). Может быть, это выходит и немного дороже и хуже (очень однообразно), но меньше возни. От своих получаю письма и денежные переводы (рублей 13 в месяц, теперь ведь доллар дешево ценится). Раз получила посылочки – вещевую и продуктовую, но возня большая. Брат Юша в старческом доме, около Нью-Йорка, пишет, что там очень хорошо.

Темнеет, плохо вижу строчки. Вообще наступила старость. 75 лет и почти с половиной. Целую крепко Тебя и Натусю. Любящая Оля».

Тетя Оля скончалась 19 сентября 1962 года. Перед ее кончиной приглашенный в дом священник причастил ее по всем правилам православного обряда...

А у Вершининых жизнь понемногу налаживалась. Трудно сказать, как они жили в Боровом, но уже в 1941 году они оказались в Петропавловске. Здесь тетя Натуся устроилась секретарем-машинисткой в трест «Маслопром», а Алексей Алексеевич, сменив профессию, проявил свой талант живописца и, став дирек-

1 Людмила Карловна Ширинская-Шихматова, княгиня, рожд. фон Мекк. Скончалась в 1946 г. в Тамбове, в ссылке. Последние годы жила на милостыню, побираясь на паперти. – прим. А. Р-К.

тором художественной мастерской при Горкомхозе, стал расписывать в городе вывески и рекламы для различных учреждений. Сын их Лева к началу войны закончил пушно-сырьевой институт, был направлен в Березов, женился и вскоре ушел на фронт. В 1942 году Вершинины подались сначала к сыну в Березов, а потом еще дальше на север, в Саранпауль – зырянский поселок оленеводов.

Алексей Вершинин так описал свое путешествие: «По приезде в Березов мы купили корову, накосили сами с Натальюшкой сена, посадили огород, Лева купил лошадь. Натальюшка поступила секретарем-машинисткой в кооперацию. Я возил воду, ездил в лес по дрова, подметал двор... Мне пришлось поступить на должность агронома в Березовское райзо. Народу не хватало, и я обязан был нести во время войны общественно-полезную работу, как и все.

В Березове нам не нравилось, и я перевелся на должность участкового агронома Саранпаульского агроучастка. Мы запрягли свою лошадку, сдали корову в колхоз, взяли с собой самое необходимое, кошку Марфушку, привезенную из Петропавловска, и поехали за 500 километров в Саранпауль. Ехали мы не торопясь, от населенного пункта к населенному пункту, по 40–50 км в день, ночевали в заезжих домах, и через 18 дней приехали в Саранпауль, в самый последний населенный пункт Березовского района у подножья гор Полярного Урала...

В это время были карточки, знакомых не было, северяне – народ замкнутый и мало любезный. Первые месяцы мы жили неважно. Правда, помогало то, что мы променяли нашу лошадь на корову и получили вторую из колхоза взамен сданной в Березовский колхоз. Потом, в середине лета, Натальюшка поступила на работу в экспедицию секретарем-машинисткой, я стал получать литературный паек, и к зиме 1944 г. жизнь наладилась очень хорошо. Дальше стало все лучше и лучше, так что теперь мы никуда из Саранпауля не собираемся уезжать...»

Сюда, в этот глухой северный край, вскоре к сестре перебрался и постаревший дядя Митя. Его жена скончалась в Москве в 1946 году, и он больше так и не смог устроить свою личную жизнь, хотя такие попытки и были. В Саранпауле он какое-то время работал чертежником и даже машинисткой. Пока не ослеп. Последние его годы прошли в большом семействе простой русской женщины А. А. Кошуковой, вдовы с пятью детьми. Здесь этот внук Надежды Филаретовны фон Мекк был принят и окружен любовью и заботой до конца своих дней. Но все же былые ранения и тяготы Колымы сделали свое дело, и в 1956 году его не стало. В его надмогильный крест Вершинины вделали образок, которым когда-то его благословила мать, Соня Мекк.

На кончину дяди Мити тогда же откликнулась тетя Оля Беннигсен, его кузина: «Дорогой мой Гоша. Спешу тебе ответить на Твое письмо, которое сегодня получила, о смерти Мити. Ты верно пишешь, что скорбь не выразить словами. И эта скорбь не скоро пройдет. Моя мама умерла уже 36 лет, а я не могу забыть еще всех подробностей болезни и смерти. Всплывают картины из прежней жизни, но тогда еще тяжелее, и стараешься не углубляться в воспоминания, а жить повседневной жизнью. Я больше вспоминаю маму и брата Адю, моих кумиров, и, странно, – Касю, с которой судьба опять меня свела в последние годы ее жизни... Да, Митя был удивительно милый, скромный, порядочный. Ведь тетя Соня гостила с ними (Митей и Натусей) в нашем Гурьеве, и одно время, до его женитьбы, мы довольно часто с ними видались в Ленинграде. Счастье, что он последние годы жизни жил спокойно с этой милой женщиной, которая была ему и другом, и,

очевидно, облегчала ему тяжелую болезнь своим уходом и заботливостью. Это Тебе должно быть большим утешением...»

Вскоре Вершинины все же покинули Саранпауль. Пожили некоторое время у сына Левы в Калининграде и снова потянуло их на Север. Конечной остановкой для них стал Приуральский шахтерский поселок Кожим, что в 40 километрах от города Инта, известного в свое время как место северных концлагерей ГУЛАГа. Купив там домик, они прожили в этих краях три года. Прожили вполне комфортно и, можно сказать, счастливо.

Алексея Алексеевича Вершинина похоронили в Инте в 1965 году. Наталья Вершинина после тяжелой болезни окончила свой земной путь в пансионате под Калининградом спустя три года. Их сын Лева готовился защитить докторскую, но ученым стать не успел: его жизнь оборвалась в Ялте, где он погиб, спасая тонущую в море незнакомую женщину. Его отец, Алексей Вершинин, в прошлом своем лихой лейб-гусар, наверное, поступил бы так же...

С той поры много воды утекло. Сменились поколения, и ничто не напоминает людям о пребывании упомянутых внуков меценатки на земле. Неизвестно даже, сохранились ли их могилы, куда можно было бы принести цветы. Впрочем, и могилы самой Н. Ф. фон Мекк давно не существует – на месте ее захоронения проходит теперь одна из шумных московских автострад.

Но вот рассказывают, что в Петербурге на Новодевичьем кладбище есть любопытный мемориал некоей Вершининой Анны Акимовны, жены генерала, донского казака. Старожилы и краеведы считают, что это мать Алексея Алексеевича, умершая в 1914 году. На могиле этой установлено очень своеобразное изваяние Христа – это не распятие, а просто стоящий скорбный Иисус с беспомощно опущенными руками и задумчивым, печальным взглядом. У подножья скульптуры всегда свежие цветы и горят свечи. Сюда с некоторых пор устремляются паломники, чтобы помолиться и оставить в руке изваяния свои записочки с молитвами и просьбами. Приходят даже студенты, считающие, что необходимо потрогать или потереть Христову ладонь, и это принесет успех на экзаменах. Не знаю, насколько это верно, но, говорят, помогает...

Москва, 2019 г.

